

В этот момент позади раздался голос Сяньцзюня:

— Как ты там? Если не можешь, возвращайся!

Ван Дачжуан изо всех сил старался справиться. Услышав это, он почувствовал горечь в сердце. Он упрямо вытянул шею и, дрожащим от холода голосом, громко ответил:

— Могу! Почему не могу?! Эта вода совсем не холодная!

Юй Чанцин: «...Верю, конечно...»

Ван Дачжуан был обычным человеком, и погружение в этот холодный пруд могло сильно навредить его здоровью. К счастью, он заранее выпил крови Юй Чанцина, и хотя вода была пронизывающе холодной, почти невыносимой, он мог не бояться, что холодный яд проникнет в его сердце. Достигнув противоположного берега, где росла лоза Чи Юй, он почувствовал, что его тело превратилось в ледышку — стоит стукнуть, и он рассыплется на куски.

Он поднял онемевшие, почти не слушающиеся руки, осторожно сорвал несколько алых плодов и бережно положил их в небольшой холщовый мешочек, который был привязан у его пояса и раньше использовался для хранения сухих припасов. Сухари и вяленое мясо он вынул заранее, чтобы освободить место для плодов. Убедившись, что плоды в безопасности, он поднял мешочек высоко над головой и медленно, шаг за шагом, пошёл обратно. Хотя пруд был коварным, вода в нём была неглубокой, самое глубокое место достигало лишь его груди.

Однако, добравшись до берега, он обнаружил, что его руки и ноги окоченели настолько, что он был не в состоянии выбраться. Юй Чанцин не мог встать на ноги, но и спокойно сидеть не собирался. Пока Ван Дачжуан ходил туда и обратно, он понемногу подполз к краю пруда. Увидев, что Ван Дачжуан не может выбраться на берег, он протянул руку, чтобы помочь, но едва не был утянут в воду сам. Только с великим трудом им удалось вытащить Ван Дачжуана на берег.

Ван Дачжуан рухнул на землю, вытянувшись, словно ледяной столб. Всё его тело источало холод. Рука всё ещё держала мешочек, но он не мог даже говорить, только всем видом умолял Юй Чанцина взять его. Он чувствовал, что даже его язык замёрз. Теперь он понял, почему Юй Чанцин не хотел, чтобы он заходил в воду. Она и правда могла заморозить человека насмерть. Хорошо, что он был молод и силён, иначе бы не выдержал.

Юй Чанцин не обращал внимания на мешочек, просто отложил его в сторону и занялся тем, что раньше делал для него сам Ван Дачжуан: стал снимать с него одежду.

К счастью, его собственная одежда, которую Ван Дачжуан вывесил сушиться на солнце, уже высохла. Летнее солнце сделало своё дело быстро. Раньше Ван Дачжуан, боясь, что Юй Чанцину будет холодно, закутал его в свою одежду. Теперь же Юй Чанцин снял с него всю мокрую одежду, кое-как закутал его в свою и, обняв, начал растирать его своими руками,

пытаясь согреть. Но, к сожалению, его тело от природы было холодным, и он не мог согреть другого.

Смотря на бесполезные попытки согреть другого своими ледяными руками и на замерзающего Ван Дачжуана, Юй Чанцин почувствовал, как в груди поднимается злость. Он не сдержался и ударил кулаком по земле, но сейчас он был слаб, как дракон, попавший на мелководье. Прежде одного его удара хватило бы, чтобы расколоть скалу, а теперь, даже в гневе, он не оставил и следа на земле. С тех пор, как он получил ранение, он впервые всей душой возненавидел свою беспомощность.

После всех этих волнений рана на его запястье снова открылась, пропитав повязку кровью. Ван Дачжуан, не в силах говорить, выразительно посмотрел на его руку. Юй Чанцин опустил взгляд и вдруг что-то вспомнил. Он резко дёрнул повязку, срывая её, и ещё сильнее разодрал рану, чтобы кровь потекла сильнее. Затем он поднёс запястье ко рту Ван Дачжуана и сказал:

— Пей ещё. Это поможет тебе справиться с холодом.

У Ван Дачжуана, наблюдавшего за этими действиями, чуть не выкатились глаза от возмущения. Ему вовсе не хотелось пить кровь, но рана уже была разодрана, и если он откажется, та пропадёт напрасно. Он с трудом приоткрыл рот, позволяя алой жидкости стекать внутрь.

Казалось бы, возвышенный бессмертный должен иметь кровь необычную, но она оказалась сладковатой, с лёгким холодным привкусом, словно он и правда был соткан из льда. Ван Дачжуан подумал, что по возвращении стоит купить у дяди Ван Эршу лекарственные травы для восстановления крови — ведь Сяньцзюнь столько её потерял за этот день! Даже бессмертные не могут позволить себе такую растрату. Посмотрите на это прекрасное лицо, разве в нём осталось хоть капля живого цвета?

Но даже в таком измождённом и измученном состоянии Юй Чанцин оставался невероятно красивым. Его внешность вызвала в душе Ван Дачжуана какое-то щемящее чувство — хотелось защитить его от всего мира. Что ж, Сяньцзюнь остаётся Сяньцзюнем — как ни крути.

Через некоторое время Ван Дачжуан немного пришёл в себя. Увидев, что Юй Чанцин снова пытается разодрать свою рану, он, неизвестно откуда взяв силы, схватил его за запястье, прижал к своей груди и, напрягшись, перевернулся, спрятав эту измученную руку под собой. Он бросил на Юй Чанцина укоризненный взгляд, будто говорил: «Ну-ка, попробуй теперь разодрать рану!»

Юй Чанцин едва не рассмеялся от этой выходки. Раз уж тот так упорно не давал ему разорвать рану, он уступил и прекратил сопротивление. Однако как только он расслабился, боль, которую он до этого игнорировал, нахлынула с новой силой. Перед глазами потемнело, а в горле снова появился привкус крови. Но чтобы не пугать «этого глупого человека», он заставил себя проглотить её обратно, медленно лёг на землю и начал осторожно регулировать дыхание.

Они провели в пещере ещё много времени, пока свет, падающий с потолка, не сменился лунным. Наконец, Ван Дачжуан смог двигаться, и они, поддерживая друг друга, дрожа, выбрались из холодной пещеры.

Уже стемнело, и оба были в таком состоянии, что могли упасть от малейшего толчка. Спускаться с горы сейчас было бы неразумно. К счастью, долина была относительно безопасной, и они решили остаться здесь на ночь, чтобы утром спуститься вниз.

Хотя в горах ночью дул прохладный ветер, в летнюю пору воздух оставался достаточно тёплым, так что, по крайней мере, здесь было не так холодно, как в пещере у ледяного пруда.

Они полностью сменили одежду: Юй Чанцин теперь был в простой зелёной рубашке Ван Дачжуана, а сам Дачжуан оказался закутанным в его длинные широкорукавные одежды. Он чувствовал себя обезьяной, укравшей облачения бессмертного — на нём этот утончённый наряд выглядел нелепо. Каждое движение казалось неуклюжим, и он всё время боялся испачкать или порвать эту тонкую, лёгкую, словно ветер, ткань. Но под пристальным, пронзительным взглядом Сяньцзюня он не осмелился снять её и, мучаясь внутренними противоречиями, продолжал наслаждаться необычайной мягкостью ткани.

А вот Юй Чанцин, в какое бы одеяние его ни облачили, всё равно выглядел изящно и благородно. Даже в простой грубой рубашке он сохранял свою величавую осанку, будто его присутствие само по себе возвышало любую одежду. Жаль только, что в его облике сейчас не было и намёка на былую мощь — он был ослаблен до предела, а бледное, почти прозрачное лицо было готово вот-вот раствориться в воздухе.

Когда Ван Дачжуан немного пришёл в себя и почувствовал, что может нормально двигаться, он уложил Юй Чанцина поудобнее, затем собрал сухие ветки и разжёг костёр при помощи заранее оставленного на берегу огнива. После этого он достал припасы, которые захватил с собой утром, поджарил их на огне и принёс Юй Чанцину.

Юй Чанцин не нуждался в пище и хотел оставить эту скудную еду Ван Дачжуану, но, глядя на его испуганное, полное тревоги лицо, он понял, что сопротивление бесполезно. Тот явно боялся, что Сяньцзюнь ослабнет ещё больше и умрёт у него на глазах. В конце концов, чтобы успокоить этого глупца, Юй Чанцин нехотя взял несколько кусочков и медленно принялся жевать.